

Западнорусизм в мире идентичностей межславянского пограничья. Историографические наблюдения

Л.Е. Горизонтов

Особенностью межславянского пограничья является близкородственность соседних этносов и, как следствие, альтернативность нациестроительства. Формирование белорусской нации развернулось в зоне русско-польского фронта. Важное место в этом процессе принадлежит западнорусской идентичности. Западнорусизм служит не только предметом исследовательского внимания, но и по сей день важным фактором развития самой науки. Обращение к трактовкам общественно-резонансной проблематики западнорусизма позволяет уяснить контекст, неоднородность и траекторию развития белорусской исторической науки, о которой в первую очередь пойдет речь в настоящей статье.

На протяжении нескольких веков Западная Русь и Русь Московская в государственном отношении существовали раздельно. После вхождения белорусско-литовских земель в состав Российской империи и особенно со второй половины XIX в. они привлекают к себе интерес ученых и политиков. В противовес основанной на традициях Речи Посполитой литвинской идентичности восточнославянское население региона рассматривается с точки зрения общерусского православного триединства. При общей антипольской направленности данный подход имел определенный регистр интерпретаций: от установки на полную однородность восточных славян до поддержки местных этнокультурных особенностей. В условиях отсутствия артикулированной белорусской идентичности эти отличия становились более чем существенными. В 1860-е гг. С. Максимов не находил в белорусской среде (в отличие от тогдашних малороссов, казаков и сибиряков) стремления к обособлению¹. Это обстоятельство учитывалось в практике управления Северо-Западным краем.

¹ Максимов С.В. Собр. соч. Т. 19. СПб., 1913. С. 262.

В генезисе западнорусизма ведущая роль принадлежала выходцам из Западных губерний империи, причем не только белорусских, но и украинских. Немалое значение имела поддержка со стороны видных представителей местных светских властей и Русской православной церкви. Стоявший у истоков научного осмысления западнорусизма профессор Санкт-Петербургской духовной академии М. Коялович писал о «западнорусском народе». Уже в 1864 г. этот термин подвергся критике со стороны украинофила Н. Костомарова, решительно выступившего против того, что Коялович «причисляет малороссийское и белорусское племя к особой группе западно-русского народа, в отличие от великорусского». Костомаров настаивал на большей близости великороссов и белорусов, а не белорусов и малороссов. Разногласия между Кояловичем и Костомаровым сохранялись и двадцать лет спустя. Характерно, что позиции ученых совпадали в критике польских тяготений А. Киркора².

Становление в начале XX в. белорусской национальной идеи делает мир идентичностей еще более сложным. Весьма примечательно, однако, что пионер собственно белорусской историографии В. Ластовский называл «Чтения по истории Западной России» Кояловича в ряду двух десятков русских, польских и украинских изданий, на которых основана его «Краткая история Белоруссии», увидевшая свет в 1910 г.³

В условиях советской белорусизации 1920-х гг. западнорусизм подвергся гонениям как тип идентичности, служащий препятствием для национальной консолидации белорусов. На научном поле его разгром призвана была осуществить книга соратника Ластовского А. Цвикевича, которому принадлежит классическое «нацдемское» определение западнорусизма. «Под «западнорусизмом», — писал он, — мы понимаем течение в истории общественной мысли в Белоруссии, которое считало, что Белоруссия не является страной с особой национальной культурой и не имеет поэтому права на незави-

² Костомаров Н.И. Русские инородцы. Исторические монографии и исследования. М., 1996. С. 404–406, 412, 423; Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 481–485.

³ Ластовскі В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. Мінск, 1992. С. 5–6.

симос культурное и политическое развитие, но что она является в культурном и государственном отношении частью России и поэтому должна рассматриваться как один из ее составных элементов. Представители этого течения стремились доказать, что Белоруссия как «Западная Россия» неразрывно связана с целым — «единой великой Россией», и что белорусы как одно из славянских племен органически входят в состав «единого русского народа». С западнорусизмом Цвикевич связывал «определенную историческую школу»⁴. Отмечалась и неоднородность западнорусизма.

В последнем отношении ученик В. Антоновича М. Довнар-Запольский пошел дальше, констатируя, что «стремление к обрусению края незаметно сливалось с правым крылом зарождавшихся белорусских направлений». Хотя Коялович «слишком уходил вправо и не отводил достаточного места самостоятельности белорусской национальной культуры», даже он был признан «крупным деятелем, своими воззрениями скрашивающим целый период»⁵.

Цвикевич и Довнар-Запольский подготовили свои книги в тот момент, когда белорусизация свертывалась и национальные демократы начали подвергаться гонениям. Трудная судьба была и у цитировавшихся выше книг. Жертвами репрессий пали проходившие по одному делу Ластовский и Цвикевич. Одновременно с преследованием белорусских националистов продолжилась борьба с «реакционными» западнорусами и их идейно-научным наследием. В изданной в 1934 г. в Минске на белорусском языке книге В. Щербакова «Классовая борьба и историческая наука в Белоруссии» имеется раздел о западнорусизме.

В дальнейшем обсуждения проблематики западнорусизма в Советском Союзе практически не велось. Важное исключение составили работы Н. Улащика, сформировавшегося в атмосфере подъема белорусского самосознания и сумевшего, будучи сотрудником московского Института истории СССР, немало сделать для белорусоведения. В его «Очерках по археографии

⁴ Цвикевич А. «Западно-русизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Менск, 1993. С. 7.

⁵ Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск, 2003. С. 421–422.

и источниковедению истории Белоруссии феодального периода» (1973 г.) понятие «западнорусизм» не употребляется, но даны характеристики представителей этого течения. Согласно Ю. Барабашу, западнорусизм «присутствует в книге как проблема..., персонифицирован, воплощен в конкретных человеческих судьбах», а между Цвикевичем и Улащиком существует прямая преемственность⁶.

К проблематике западнорусизма обратились белорусские историки-эмигранты, в работах которых можно найти благожелательные оценки его левого крыла, не угрожавшего этнокультурным особенностям белорусов. Ю. Витьбич (1905–1975) — представитель военной волны эмиграции, призывал избавиться от негативного восприятия западнорусизма: «Название этого течения, а именно — западнорусизм — неприятно звучит для нашего уха. Однако помимо фигуральных в данном случае ушей... имеется ум, способный к объективному анализу». Витьбич подчеркивал, что западнорусизм никогда не являлся однородным течением: «Если правое крыло состояло из политиканов, которые при поддержке царского правительства издавали газеты и журналы... левое крыло состояло из ученых, которые печатались почти исключительно за свой счет». К левому крылу были отнесены не только А. Сапунов и Е. Романов, но также Довнар-Запольский. Отмечалось, что в кабинете Сапунова висел портрет Киркора, характерный для пантеона адептов белорусской идеи. «Временами казалось, — писал в середине века Витьбич, — что Сапунову, Романову, Никифоровскому и другим достаточно было сделать лишь один шаг для того, чтобы покинуть левое крыло «западнорусизма» и влиться в белорусское национально-освободительное движение, но сделать этот один шаг они были не в состоянии». Витьбич считал западнорусизм «достоянием истории» и приводил положительные отзывы Цвикевича и иных национальных демократов 1920-х гг. о левых западнорусах⁷.

⁶ Барабаш Ю. Я. Сиамские близнецы. Западнорусизм и малороссиюство в национальном самосознании белоруса и украинца // Русь — Литва — Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. М., 1997. С. 97.

⁷ Витьбич Ю. У пошуках Альгердавага Шляху: Аляксей Сапуноў (1852–1924) // 3 гісторыі на «Вы». Артыкулы, дакументы, успаміны. Мінск, 1994. Вып. 3. С. 165–166, 168.

В начале 1990-х гг. возобновились нападки на западнорусизм со стороны носителей белорусской идентичности. Жесткая позиция представителей белорусской диаспоры в России явно контрастировала с примирительным подходом представителей западной диаспоры.

Выступая в 1992 г. на большой конференции «Формирование и развитие национального самосознания белорусов», А. Кавко дал западнорусизму исключительно негативную характеристику: «комплекс национальной неполноценности», «национальное ренегатство», «стратегия поражения в национально-государственном и культурном строительстве», «духовное увечье», «трупный вирус в белорусском национальном организме». «Когда бы потребовалось одним только словом выразить глубину национального падения белорусов, — говорил он, — так подобное слово есть: “западнорусизм”».

Считая дореволюционный западнорусизм однородным течением, Кавко отмечал ассимиляторскую преемственность с ним его интернационалистской советской и постсоветской модификации, на многие десятилетия утвердившей свое «тотальное господство». Если до революции западнорусизм в значительной мере был направлен против колонизации, то впоследствии главной его мишенью становится белорусское национальное движение. При этом признавалось, что «польско-кресовый» двойник западнорусизма — «менее массовый, но не менее враждебный белорусскому началу»⁸. Таким образом, временные рамки западнорусизма существенно расширились. Помимо Цвикевича Кавко ссылался на украинского поэта-эмигранта Е. Маланюка, чье эссе о малороссийстве было опубликовано в белорусском переводе. Перу Кавко принадлежит также статья о западнорусизме в многотомной «Энциклопедии истории Белоруссии».

Как отметил видный историк белорусской диаспоры на Западе Я. Запрудник, «на «западнорусов» сегодняшние независимки смотрят как на идейных недоростков». Социальную базу белорусской идеи Запрудник стремился расширить за счет деятелей, тяготевших как к Польше, так и к России⁹.

⁸ Каўка А. Тэрыторыя ці нацыя? // Беларусіка. Albaruthenica. Кн. 2. Мінск, 1992. С. 42, 45, 48.

⁹ Запруднік Я. Дваранства і беларуская мова // Беларусіка. Albaruthenica. Кн. 2. С. 33.

В 1993 г. в Минске увидела свет книга Цвикевича, на которую двумя годами позже откликнулся один из главных разработчиков «национальной концепции истории» М. Бич. Критику вызвало утверждение Цвикевича о том, что после 1870-х гг. эволюция западнорусизма прекратилась. Напротив, 1905–1917 гг. составили «принципиально важный период в истории «западнорусизма»», звездный час которого наступил в премьерство Столыпина. В конце XIX — начале XX в. происходит «все более явное размежевание между «западнорусами»-политиками и учеными», по-разному относившимися к белорусам-католикам и трактовавшими понятия «белорусский народ» и «белорусская культура». Если для Кояловича православие являлось непрременным этнокультурным атрибутом, то крупнейшие белорусоведы указанного времени этого убеждения уже не разделяли.

Подобно Витьбичу Бич писал о близости западнорусов-ученых к направлению «Нашей нивы» и их вкладе в национальное пробуждение белорусов. Как и Кавко, Бич не считал, что западнорусизм прекратил свое существование вместе с царской Россией. После Февральской революции он «не только не исчез, но, перекрасившись в либеральные и демократические цвета, значительно расширил свою социально-политическую базу». Позднее утвердился «методологический гибрид» — результат скрещивания марксистско-ленинско-сталинского учения с «модернизированной российской великодержавной концепцией истории Белоруссии, близкой к «западнорусизму»¹⁰.

В середине и второй половине 1990-х гг. режим А. Лукашенко, ориентируясь на сближение с Россией, взял западнорусизм под свою защиту. В 1996 г. М. Бич инкриминировал западнорусизм критикам «Энциклопедии истории Белоруссии»¹¹. Написанную с западнорусских позиций книгу о Кояловиче

¹⁰ Біч М. «Заходнерусізм» і беларускі нацыянальны рух: гістарыяграфічны аспект // Беларусіка. Albaruthenica. Кн. 6. Ч. 1. Мінск, 1997. С. 57–65.

¹¹ Лінднэр Р. Гісторыкі і улада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Мінск, 2003. С. 422.

че издал в 1998 г. гродненский историк В. Черепица¹². В своем учебнике, воспринятом многими как нормативный, Я. Трещенок из Могилева заявил, что современные белорусские националисты лишь ухудшили Цвикевича, признававшего белорусский патриотизм Кояловича и ряда других выдающихся западнорусов. Трещенок выступил против отождествления белорусской идеи с «национал-сепаратистами». «Трудами сторонников «западнорусского» направления, — напомнил он, — были заложены основы научной белорусской историографии, филологии, этнографии и фольклористики. Именно на этом фундаменте зиждется современная гуманитарная белорусская наука... Что добавили националисты после революции к собранному ранее документальному фонду, когда захватили руководящие посты в Национальной академии наук? На что употребили немалые средства, ассигнованные народом? На безответственные эксперименты с «белорусизацией»¹³.

На популяризирующем традиции западнорусизма сайте в 2010 г. размещены тексты с характерными названиями: «Ментальная война в Белоруссии — «психическая атака» литвинства» и «Западнорусизм как белорусское национальное движение». Последний воспроизводит изданную в 2006 г. научную статью А. Киселева, в которой обосновывается тезис о том, что «западнорусизм», несмотря на неприятие идеи отдельной белорусской нации, тоже является версией белорусского национального движения»¹⁴.

В среде оппозиционно настроенных белорусских историков наблюдаются различия в оценке западнорусизма. Открывая в 2001 г. конференцию «Проблемы отечественной историографии», А. Кравцевич сравнивал ситуацию в белорусской исторической науке с украинскими реалиями: «Сегодня в киевских книжных магазинах всюду... книги, посвященные Михаилу Грушевскому, знаменитому историку и первому президенту Украинской народной республики. В минских книжных магазинах в то же время на видных местах выставляются

¹² Черепица В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. Гродно, 1998.

¹³ Трещенок Я.И. История Беларуси. Ч. 1. Могилев, 2004. С. 256–258.

¹⁴ <http://www.zapadrus.su>

работы с апологетикой Михаила Кояловича, теоретика «западнорусизма». Согласно Кравцевичу, «стала официальной и значительно усилила свои позиции» «колониально-российская историография». В. Черепица назван «российским великодержавником». Кравцевич призвал коллег проводить более четкие разграничения как в истории науки, где в один ряд порой ставятся Коялович и Цвикевич, так и применительно к актуальной в ней ситуации¹⁵.

З. Шибeko усматривает в западнорусизме готовность «отказаться от исторического и культурного наследия своего народа времен Великого княжества Литовского и Речи Посполитой». Его генезис историк связывает с материальными интересами местного чиновничества, учительства и православного духовенства. Вместе с тем отмечается, что в целях ликвидации польского влияния «главный теоретик» западнорусизма Коялович «требовал даже ввести в государственных школах и учреждениях белорусский язык, а земли польских помещиков разделить между белорусскими крестьянами». «По мере распространения новой идеологии польский провинциализм вытесняется российским, — пишет Шибeko. — К сожалению, он стал не столько ступенькой национальной самоидентификации, сколько средством усиления в нашей стране российской великодержавной идеологии». Особо подчеркивается, что книга Кояловича «Чтения по истории Западной России» «никак не способствовала национальному самосознанию белорусской молодежи». Однако «официальная доктрина русскости белорусского края не подтверждалась. Это существенно подрывало позиции местных приверженцев «западнорусизма». Интеллигентские силы Белоруссии, и прежде всего сами ученые, начали переходить на национальную почву»¹⁶.

Оппонент Черепицы и Трещенка А. Смоленчук различает западнорусизм и «западнорусскую культурную традицию», на почве которой тот был разработан в 1860–1870-е гг. «при активном участии официальных кругов». Западнорусизм нацелен на искоренение местной специфики, в которой виделось польское влияние. «Впрочем, — делает оговорку гродненский

¹⁵ Гістарычны альманах. Т. 4. Гародня, 2001. С. 9–11.

¹⁶ Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002). Мінск, 2003. С. 108–109, 118–119.

историк, — не все «западнорусы» разделяли идею уничтожения этнографических особенностей». Осуществленные в русле западнорусизма белорусоведческие исследования, вопреки доктринальным установкам, зафиксировали существование самостоятельного белорусского этноса. Смоленчук склоняется к тому, что «процесс белорусского культурного накопления, которое происходило в границах литвинской и западнорусской культурных традиций, в условиях определенной модернизации общества способствовал формированию собственно белорусской культурной традиции. Этому содействовали и литвины, и «западнорусы». Белорусскость в определенном смысле была попыткой примирения двух различных цивилизационных типов, которые делили Белоруссию»¹⁷.

Согласно гродненскому литератору и публицисту А. Чобату, от Кояловича берет начало не только западнорусизм, за что «горячие головы» зачислили его в «предатели Белоруссии», но также белорусский и украинский сепаратизм. В переписи населения 1897 г. фиксировался белорусский язык. «Ничего подобного не было бы, — заключает Чобат, — если бы царизм не взял на вооружение идей незаслуженно охаянного «благодарными» потомками профессора Кояловича»¹⁸. Следует отметить, что цитируемый текст конца 1990-х гг. вошел в оппозиционную по направлению антологию, изданную в 2003 г. в Петербурге.

В опубликованной в 2006 г. в Вильнюсе книге главного редактора оппозиционного белорусского журнала «Архэ» В. Булгакова читаем: «В рамках западнорусизма... впервые в истории белорусы были опознаны в современном этническом значении... Исторически западнорусизм не был соперником белорусского национализма — последний возникает гораздо позже на почве, удобренной западнорусскими идеологами, совершившими беспрецедентную инновацию, наполнив категорию «Беларусь» этнокультурным содержанием»¹⁹.

¹⁷ Смаленчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй: Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864–1917 г. Гродна, 2001. С. 39, 44.

¹⁸ Чобат А. Трансфармацыі беларускай нацыянальнай ідэі // Анталёгія сучаснага беларускага мыслення. СПб., 2003. С. 147.

¹⁹ Булгаков В. История белорусского национализма. Вильнюс, 2006. С. 154, 160.

Итак, несмотря на поляризацию политической и научной жизни Белоруссии, реабилитация западнорусизма ведется не только его прямыми продолжателями. Особенно ясно контуры консенсуса обозначились в первые годы XXI в., когда кодифицируются «основы идеологии белорусского государства», происходит дрейф официального Минска к государственно-национальной идее и ответное встречное движение интеллектуалов оппозиции²⁰.

В историографии феномена западнорусизма концептуальное значение имеет разграничение взаимоисключающих и множественных идентичностей. На оценку западнорусизма решающим образом влияет то обстоятельство, что именно в его лоне исторически сложился основной корпус белорусоведческих текстов, свидетельствующих о самобытности белорусов. Апелляция к западнорусизму позволяет заметно расширить социокультурную базу белорусского нациестроительства.

Включение западнорусизма в белорусский националистический дискурс имеет украинский аналог в современной интерпретации восточнославянского русофильства в империи Габсбургов. Принципиально важной представляется и параллель с малороссийской идентичностью. Палицо возможности типологического изучения как историографического, так и конкретно-исторического материала²¹.

²⁰ Горизонтов Л.Е. К типологии историографических ситуаций на постсоветском пространстве (Украина и Белоруссия) // Гуманитарные чтения РГГУ–2009. Россияведение. Общественные функции гуманитарных и социальных наук. М., 2010.

²¹ Горизонтов Л.Е. Украинско-белорусские исторические и историографические параллели // Украина – Беларусь: політичні, економічні та культурні аспекти взаємин. Чернівці–Вільнюс, 2007. Компаративистская линия в изучении западнорусизма намечена и в книге гродненского историка Д. Карева, под пером которого западнорусизм получает негативную оценку: Карев Д.В. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс, 2007. С. 200–206.